

АНТИЧНЫЙ
МИР

ЭТРУСКИ

ОТ МИФА
К ИСТОРИИ

А.И.
Немировский

Античный мир

Александр Немировский

Этруски. От мифа к истории

«ВЕЧЕ»

1983

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

Немировский А. И.

Этруски. От мифа к истории / А. И. Немировский — «ВЕЧЕ»,
1983 — (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-5370-0

В книге известного историка, педагога, прозаика и переводчика Александра Иосифовича Немировского (1919—2007) исследуется сложная проблема истории этрусков, внесших значительный вклад в формирование древнейшей, доримской культуры Италии. Проблема происхождения этрусков рассматривается в связи с этнолингвистическими процессами Эгейско-Анатолийского региона и переселением на запад пеласгов и тирренов.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3

ISBN 978-5-4484-5370-0

© Немировский А. И., 1983
© ВЕЧЕ, 1983

Содержание

Введение	6
Глава I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Иосифович Немировский

Этруски. От мифа к истории

© Немировский А.И., наследники, 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

Введение

В Средней Италии, между реками Арно и Тибром, в древности простиралась страна, именуемая Этрурией. Власть ее обитателей, этрусков, известных грекам как тиррены, распространялась к югу и северу от этих рек, а также на восток, до Адриатического моря.

Этруски создали оригинальные труды религиозного и исторического характера, которые, к сожалению, не сохранились. Не дошли и некоторые латинские переложения этой литературы, относящиеся к I в. до н. э. – I в. н. э. Утрачена и «История этрусков» в 20 книгах, написанная в 40-е годы I в. н. э. римским императором Клавдием. И все же в трудах античных поэтов, историков, философов сохранилось немало сведений о различных сторонах жизни и истории этрусков. Если эти работы объединить, они составили бы обширный труд.

На протяжении Средневековья никто не обращался к этому материалу, и этруски были в полной мере «забытым народом». Сохранившиеся в Риме и в других местах Италии памятники этрусского искусства не привлекали внимания. Все непонятные надписи в Италии тогда считались этрусскими, и сложилась поговорка «этрусское не читается».

В XIV–XVI вв. область между реками Арно и Тибром стала колыбелью культуры Возрождения. Вместе с интересом к грекам и римлянам пробуждается интерес и к этрускам как древнейшим обитателям Тосканы. Сведения об Этрурии итальянские гуманисты черпали не только из произведений Ливия, Плиния Старшего, Дионисия Галикарнасского, но и знакомились с ней по этрусским памятникам, на которые ранее никто не обращал внимания. В муниципальных архивах городов Тосканы сохранились зарисовки фортификационных сооружений этрусского времени, сделанные в XV–XVI вв., и тщательно скопированные надписи, покрывавшие их стены. Нередко в ходе полевых или строительных работ удавалось обнаружить бронзовые этрусские статуи с надписями.

Более всего возбуждали воображение этрусские гробницы. Одной из них гуманист Луцио Вителлий посвятил восторженное стихотворение. В конце XV в. многие увлекались раскопками гробниц, извлекая мраморные колонны и статуи. Чтобы предотвратить уничтожение древних сооружений, папское правительство издало своего рода постановление об охране памятников и запрещении самовольных раскопок. Но они продолжались.

Среди рисунков Микеланджело имеется изображение человека в головном уборе в виде волчьего скальпа. Это копия одной из этрусских фресок со сценой подземного царства. Видимо, этрусские фрески вдохновляли и величайшего поэта Италии Данте при описании им картины ада. В частности, образ Харона у Данте соответствует этрусскому демону Хару, а не перевозчику душ мертвых в греческой мифологии:

Недвижим стал шерстистый лик ужасный
У лодочника сумрачной реки,
И вокруг очей змеился пламень красный [17, III, 97].

В конце XV в. во Флоренции появился ряд трактатов об этрусках, написанных уроженцами Тосканы, представителями католической церкви. Кардинал Эгидио из Витербо характеризует Этрурию не только как очаг древнейшей в Италии культуры, но и как «вечную покровительницу и хранительницу религий». Таким образом, христианский писатель не ощущал разницы между Этрурией языческой и Тосканой своего времени. В этом можно видеть не столько неосведомленность, сколько стремление возвысить Этрурию и этрусков. Еще дальше пошел францисканский монах Мариано из Флоренции, связавший в своем трактате «О происхождении, благородстве и великолепии Тусции» древнейшее прошлое Этрурии с мифами книги Бытия. Согласно его мнению, после потопа сыновья Ноя расселились по всему миру,

и один из них, Гомер, обосновался в Этрурии. Его потомки первыми приветствовали учение Христа, оказав гостеприимство прибывшему в Рим апостолу Павлу. А монах Аннио из Витербо доказывал, что этруски говорили на древнееврейском языке (транскрибируя этрусские надписи еврейским алфавитом).

Кардинал Эгидио из Витербо (1469–1532). Портрет XVII в.

Таким образом, к XVI в. сложились совершенно фантастические представления об этрусках, которые можно назвать «этруским мифом». Его распространению способствовал Ф.

Демпстер, написавший в 1619 г. обширный труд «Царская Этрурия», основанный на некритически воспринятых свидетельствах античных авторов. Ф. Демпстер относился к этрускам как к одному из самых культурных народов древности. Он считал, что они ввели в Италии законы, были первыми философами, геометрами, жрецами, строителями городов, храмов, изобретателями военных машин, врачами, художниками, скульпторами, агрономами. У Ф. Демпстера, видимо, даже не возникал вопрос, что же осталось на долю греков и римлян в области техники и культуры. Например, приоритет этрусков в философии и геометрии он обосновывал ссылкой на древнего автора, считавшего Пифагора «тирреном», хотя речь шла о принадлежности Пифагора к тирренскому населению Самоса, а не Этрурии! Желая представить этрусских царей властителями всей Италии, Ф. Демпстер отнес к этрускам многие племена, надписи которых в то время были непонятны. Этрусками, например, у него стали умбры, поскольку их письмена были также нечитаемы.

Труд Ф. Демпстера был издан лишь в 1723 г., через сто с лишним лет после его написания, совпав по времени с новой вспышкой интереса к этрусскому. В это время на территории древней Этрурии хозяйничали австрийцы. Изучение «славной истории этрусков», которых жители Тосканы считали своими предками, давало моральное удовлетворение и выход патристическому чувству.

В 1726 г. была открыта «Этруская академия», членами которой стали благородные синьоры Кортонь и других городов Тосканы; руководил ею торжественно избираемый президент, носивший этрусский титул «лукумон». Ночные заседания («ночи Кортонь» – так назывались эти этрусские бдения) воссоздавали атмосферу загадочности, которой тогда были окружены этруски. В докладах и сообщениях, лишенных серьезной научной основы, утверждалось, что не только в Италии, но и в Испании и Анатолии почти все следы художественной деятельности принадлежали этрускам, музей «Этрусской академии», насчитывавший в 1750 г. 81 экспонат, на три четверти состоял из подделок и из произведений античного искусства.

Первые серьезные работы по этрускологии появились в конце XVIII – начале XIX в. Они свидетельствовали о первой победе истории над «этрусским мифом». Однако было бы ошибкой думать, что последний был окончательно развеян. Путь от мифа к подлинной истории этрусков благодаря все расширяющемуся кругу источников и их правильной интерпретации нельзя назвать простым и прямолинейным. Многие исследователи XIX – первой половины XX в. предлагали, как мы теперь понимаем, ошибочное чтение этрусских надписей, послужившее основой ошибочных исторических концепций.

Однако огромной заслугой ученых века нынешнего и века минувшего явились систематизация и издание этрусских памятников и текстов. В соответствии с афоризмом «тот, кто видит один памятник, ничего не видит, тот, кто видит сто, видит целое» издания этрусских зеркал, рельефов, рисунков на вазах, фресок позволили создать цельную картину этрусского искусства. Эти же памятники легли в основу изучения таких реалий этрусской жизни, которые почти не освещены в литературных источниках, как одежда, мебель, жилище, вооружение, зрелища, религиозный культ.

В конце XIX в. итальянский поэт Габриэле д'Аннунцио в книге «Мертвый город» выдвинул концепцию, согласно которой всю жизнь этрусков пронизывала безнадежность. Трагичным было их видение мира и отношение к нему. Полвека спустя на основании тех же этрусских фресок из погребений известный английский романист Д. Лоуренс пришел к убеждению, что жизнь этрусков была, проникнута чувственной радостью, а их взгляд на мир был полон оптимизма [249]. Несомненно, каждый из этих авторов перенес на этрусков свое мироощущение!

К сожалению, этот субъективизм присущ не только художественным, но и научным трудам, отличающимся противоречивостью суждений и оценок. Достаточно ознакомиться с переводами некоторых этрусских надписей разными исследователями, чтобы возник вопрос, одним ли текстом они пользовались.

Все это в какой-то мере оправдывает сложившуюся в науке прошлого века репутацию этрусков как «загадочного» народа. Однако этруски не только загадка, но и парадокс: исключительное богатство Этрурии памятниками изобразительного искусства, но невозможность их надежной интерпретации; значительное (свыше 11 тысяч) количество надписей, чтение которых теперь уже не вызывает трудностей, но неумение ответить на некоторые элементарные вопросы языковой принадлежности; многочисленные уже в древности суждения о происхождении этрусков, но невозможность отдать предпочтение одному из них.

Народ, уже 300 лет «допрашиваемый» самыми различными приемами, до сих пор не сказал о себе самого существенного, если не считать того, что в трудах с претенциозными названиями он «заговорил не своим голосом».

«Загадочность» этрусков, с одной стороны, придает работам о них налет сенсационности, вызывая у читателей жажду приобщиться к раскрытию вековой тайны, с другой – накладывает на авторов обязательства, выполнение которых оказывается им не под силу. История этрускологии, знавшая немало попыток дать окончательное решение этрусской «загадки», говорит, что продвижение вперед чаще всего идет очень медленно, едва заметно. Но все-таки наука не стоит на месте. Свидетельством этому служат обстоятельные изложения тех сторон жизни этрусков, которые ранее оставались в тени, словарь из 100 слов с твердо установленным значением и даже грамматика этрусского языка.

Этрускология в качестве научной дисциплины является синтезом таких наук, как классическая филология, лингвистика, эпиграфика, этнография, искусствоведение, нумизматика. Благодаря этим наукам и поныне этрускология обогащается новыми идеями, а ее познавательный потенциал расширяется с помощью исторических, лингвистических, искусствоведческих параллелей. Однако для этрускологии наступает время отдавать долги родственным дисциплинам. Теперь уже трудно себе представить изучение общественных отношений Рима без более древнего и массового материала этрусских надписей, исследование языкового состояния Эгейско-Анатолийского региона без этрусских лингвистических данных, понимания религий народов Средиземноморья без этрусской иконографии и теонимики.

Глава I

Происхождение этрусков

Все вопросы древнейшей этнической и культурной истории Италии неизбежно приводят нас к проблеме происхождения этрусков. На протяжении нескольких столетий, еще до того как Рим стал претендовать на первенство в Италии, этруски господствовали на большей части Апеннинского полуострова. Поэтому в произведениях греческих, а затем и римских историков имеется множество сведений об этрусках [63, с. 74 и сл.]. Вопрос появления этого народа в Италии заинтересовал еще античную традицию. Мы познакомимся с ее суждениями на этот счет в данной главе наряду с другими сведениями, содержащимися в памятниках литературы, о тирренах и пеласагах. Параллельно будут использованы материалы лингвистики и археологии. Изложение взглядов на происхождение этрусков в науке Нового и Новейшего времени рассматривается нами как введение, которое поможет читателю разобраться в общих тенденциях этрусковедения и облегчить ему понимание нашего подхода к поставленной проблеме.

История этрусского вопроса. Автор первого обобщающего труда по этрусской истории Ф. Демпстер задался целью представить все, что знали об этрусках древние авторы [164]. Однако в его «Семи книгах о царской Этрурии» нет даже элементов критического подхода к античной традиции. Поскольку в ней господствует мнение об этрусках как выходцах из Лидии, оно преобладает и у Ф. Демпстера.

В середине XVIII в. с небольшим эссе о происхождении обитателей древней Италии выступил Н. Фрере [191, с. 230 и сл.]. Мнение античных авторов о переселении этрусков из Малой Азии морским путем показалось французскому ученому неубедительным. Ему трудно было представить возможность существования флота, который был бы в состоянии перевезти в Италию целый народ. Посчитав рассказ Геродота выдумкой, Н. Фрере отдал предпочтение свидетельству Ливия о сохранении этрусского языка у альпийского племени ретов [Liv. V, 33]. Указание Ливия было ошибочно истолковано таким образом, что Альпы были местом временного жительства этрусков в их передвижении на юг. Так возникла «северная версия» происхождения этрусков, не имеющая никакой опоры в античной традиции и ныне полностью потерявшая своих приверженцев. Но в XIX в. она, особенно среди немецких ученых, рассматривалась едва ли не как единственный ключ к тайне этрусского происхождения.

«Северную версию» поддержал своим авторитетом и Б. Нибура [271, с. 121–129]. Для Нибура тиррены и этруски (туски) – два различных народа. Тиррены, не имевшие ничего общего с лидийцами, потомками которых они были, согласно Геродоту, обитали между реками Тибр и Арно. Этруски (туски) жили в Северной Италии, там, где впоследствии были земли ретов. Спустившись на юг, туски победили тирренов и умбров, создали союз 12 этрусских городов. Пеласги, по мнению Б. Нибура, были переселенцами с Балканского полуострова, народом негреческого происхождения, но говорившим на языке, более близком к греческому, чем к латинскому. На основе античных генеалогий Б. Нибура отождествлял пеласгов с энотрами [271, с. 28 и сл.].

Немецкий историк К. Мюллер [267, I, с. 65], последователь и почитатель Б. Нибура, однако, не принял полностью его взгляда на альпийское происхождение этрусков. «На автора этой книги, – пишет К. Мюллер как бы в свое оправдание, – особое впечатление произвело то, что малоазиатская музыка находится в древних и тесных связях с этрусской, и особенно то, что употребление трубы в Италии восходит к этрускам, так же как в Греции к занимающим Лидию тирренам, а также то, что в Греции и Этрурии флейту и трубу связывают с одним и тем же божеством, известным под разными именами, – Афиной и Минервой. К этому можно добавить

поразительные сходства у этрусков и обитателей Малой Азии в одежде, обычаях, а также виртуозность тех и других тирренов в морском разбое» [267, I, с. 119–120]. Все эти соображения заставляли К. Мюллера считать тирренов, которых он отождествлял с пеласгами, выходцами из Лидии, прибывшими в район Тарквиний, где они, смешавшись с вторгшимися из-за Альп ретами (их Дионисий Галикарнасский отождествлял с расенами), образовали этрусский этнос.

Не занимаясь всерьез проблемой происхождения этрусков, Т. Моммзен все же посвятил ей несколько страниц своей «Римской истории». С низким уровнем культурного развития, на котором, по его мнению, находились этруски, мало согласовывались рассказы древних о восточном происхождении этого народа. Поэтому он рекомендовал искать родину этрусков в горах, к западу или к северо-западу от Италии. Против морского маршрута этрусков, по мысли немецкого ученого, говорило также то, что все их города, кроме Популонии, к тому же не принадлежавшей к этрусскому союзу 12 городов, находились на некотором расстоянии от моря [264, с. 119–120].

«Северная версия» происхождения этрусков была поддержана и виднейшим знатоком итальянской археологии В. Гельбигом [219, с. 100 и сл.]. По его мнению, предки италиков пришли на Апеннинский полуостров из Центральной Европы в конце бронзового века. Они оставили после себя могилы типа колодцев (а *pozzo*), ровики (а *fosse*) и камерные гробницы с насыпями (а *camera*). Собственно этрусскими являются лишь последние. Они не принадлежали населению, вторгшемуся в Италию, которая в начале железного века, как считал В. Гельбиг, в этническом отношении не переживала каких-либо перемен. Таким образом, этруски оказываются теми же италиками, но более развитыми, чем первые северные переселенцы.

Ту же точку зрения, но на лингвистическом материале развивал немецкий исследователь В. Корссен [150]. Широко используя этимологический метод, он доказывал родство этрусского языка с латинским, осским, умбрским.

А.Д. Чертков. Акварель П.Ф. Соколова. 1830 г.

«Северной версии» происхождения этрусков придерживался и исследователь античной и переднеазиатской истории Э. Мейер. В своей «Истории древности», бывшей последним словом науки XIX в., он писал: «Сообщения древних о происхождении этрусков не имеют никакой цены» [260, с. 3].

Сторонники восточного происхождения этрусков до конца XIX в. были малочисленны и не пользовались авторитетом в научных кругах. Среди тех, кто отстаивал «устаревший» тезис, был А. Чертков. Он считал этрусков ветвью пеласго-фракийского населения Малой Азии, переселявшегося в Италию несколькими волнами начиная с середины II тысячелетия до н. э. [98].

Эту гипотезу, опирающуюся на античную традицию, в значительной мере дискредитировали лингвистические доказательства. Полагая, что другая ветвь пеласго-фракийцев двинулась через Балканы на север и дала начало славянам, А. Чертков интерпретировал топонимику и этнонимику Италии, а также лексику этрусских надписей с помощью русского языка. Считая этрусков не изолированным народом, а частью обширной этнической группы, к которой принадлежало более десятка итальянских племен, А. Чертков толковал с помощью русских соответствий такие этнонимы, как умбры (обричи), долопы (дулебы), пелигны (поляне). По такому же принципу итальянская Кремона была поставлена в один ряд с кремлем, Крёменцем, Кременчугом, Кромами. Совершенно анекдотичным было толкование А. Чертковым этрусских собственных имен. Но курьезы, которых у А. Черткова было множество [43, с. 34], не умаляют его бесспорных заслуг в разработке проблемы происхождения этрусков. Устанавливая родство пеласгов с фракийцами, он поставил этрусский вопрос на широкую историко-лингвистическую почву и во многом предвосхитил взгляды современных исследователей.

Шведский археолог О. Монтелиус [266, с. 265 и сл.] вопреки В. Гельбигу считал камерные гробницы с предметами ориентализирующего стиля прямым свидетельством восточного происхождения этрусков. Выступая против снижения хронологии древнейших этрусских гробниц сторонниками северного происхождения этрусков, О. Монтелиус подтягивал к традиционной дате переселения этрусков (XI в. до н. э.) хронологию гробниц «Бернардини» и «Барберини» и относил их к IX в. до н. э. Соответственным образом он датировал основание в Италии древнейшей греческой колонии Кум 1049 г. до н. э. Датировка О. Монтелиуса, как было замечено его современниками, противоречила хронологии распространения алфавитного письма в Италии, но сама его концепция встретила поддержку многих ученых.

В русской науке «восточный тезис» аргументированно поддержал В. Модестов [58, с. 9 и сл.]. Он резко выступил против гиперкритицизма немецкой науки и обосновал неприемлемость «северной версии». Считая этрусков выходцами из Малой Азии, он выявил на доступном тогда археологическом материале малоазийские черты этрусской культуры.

Г. Кёрте [238, стб. 720 и сл.], в прошлом сторонник концепции Б. Нибура, перешел в стан «ориенталистов» и отнес переселение этрусков к VIII в. до н. э. Его концепция встретила поддержку ученых многих стран. Среди ее сторонников были Н. Оберг, А. Делла Сетта, А. Гренье, Г. Каро и др. Некоторые исследователи, принимая рассказ Геродота о переселении тирренов из Малой Азии, считали их родиной не Лидию, а Фригию, Лемнос или, следуя мнению Гелланика, настаивали на том, что высадка произошла на адриатическом побережье Италии.

Одновременно теория автохтонного происхождения этрусков нашла сторонника в лице весьма авторитетного итальянского антиковеда Г. Де Санктиса [166а, с. 29]. По его мнению, этруски были потомками обитателей террамар, носителей, как тогда ошибочно считали, этой универсальной культуры эпохи бронзы¹.

Ученик Г. Де Санктиса Л. Парети принадлежал к числу наиболее решительных приверженцев автохтонности этрусков [292]. Характеризуя свидетельство Геродота о переселении в Италию части лидийцев как «ионийскую басню», Л. Парети весьма резко отзывался о тех современных исследователях, которые принимали эту «басню» на веру. Ни в языке, ни в погребальных обычаях, ни в религии, ни в образе жизни этрусков Л. Парети не находил ничего, что бы говорило об их восточном происхождении. Предками этрусков (протоэтрусками) он считал строителей свайных построек и террамар. Неоспоримые следы эгейско-анатолийского влияния

¹ Террамарами (от итальянского диалектного *terra mara* – «жирная земля») называли землю, испокон веков использовавшуюся крестьянами провинций Парна и Модена для удобрения. В ходе раскопок в террамарах были обнаружены черепки, предметы из кости и камня, остатки деревянных столбов. Последние закрепили за террамарами ошибочное название «свайные постройки на суше». Без всякого основания в террамарах видели также поселения, основанные по типу военных лагерей или городских общин.

в этрусской культуре (Л. Парети пренебрежительно называл их «восточным налетом») он считал результатом развития этрусской торговли.

В полемике с Л. Парети его соотечественник Б. Ногара стремился выйти за рамки «восточной версии» Геродота и, используя появление новых данных древней истории Кавказа и Малой Азии и исходя из предположения Э. Мейера об образовании хеттского этноса в примыкающей к Кавказу с севера равнине, высказал мысль, что рядом с предками хеттов обитали предки этрусков и италиков (индоевропейцев). Из этой прародины указанные народы двинулись в Малую Азию, а через нее – в Италию: хетты и италики – ранее, этруски – позднее, около X в. до н. э. Прибыв в Италию, этруски застали там родственников им по языку италиков. Язык этрусков, по мнению Б. Ногары, принадлежал к индоевропейской группе языков, так же как латинский и хеттский, но был ближе ко второму, чем к первому [274].

Другой влиятельный историк того времени, П. Дукати, в отличие от Б. Ногары, не ставил своей целью отыскать прародину этрусков. Анализируя данные, характеризующие религию и искусство этрусков, а также их язык, П. Дукати тщательно выявляет черты, чуждые латинам и другим народам Италии. Это, по его мнению, дает возможность поддержать господствовавшую в древности традицию о переселении предков этрусков из Восточного Средиземноморья [174].

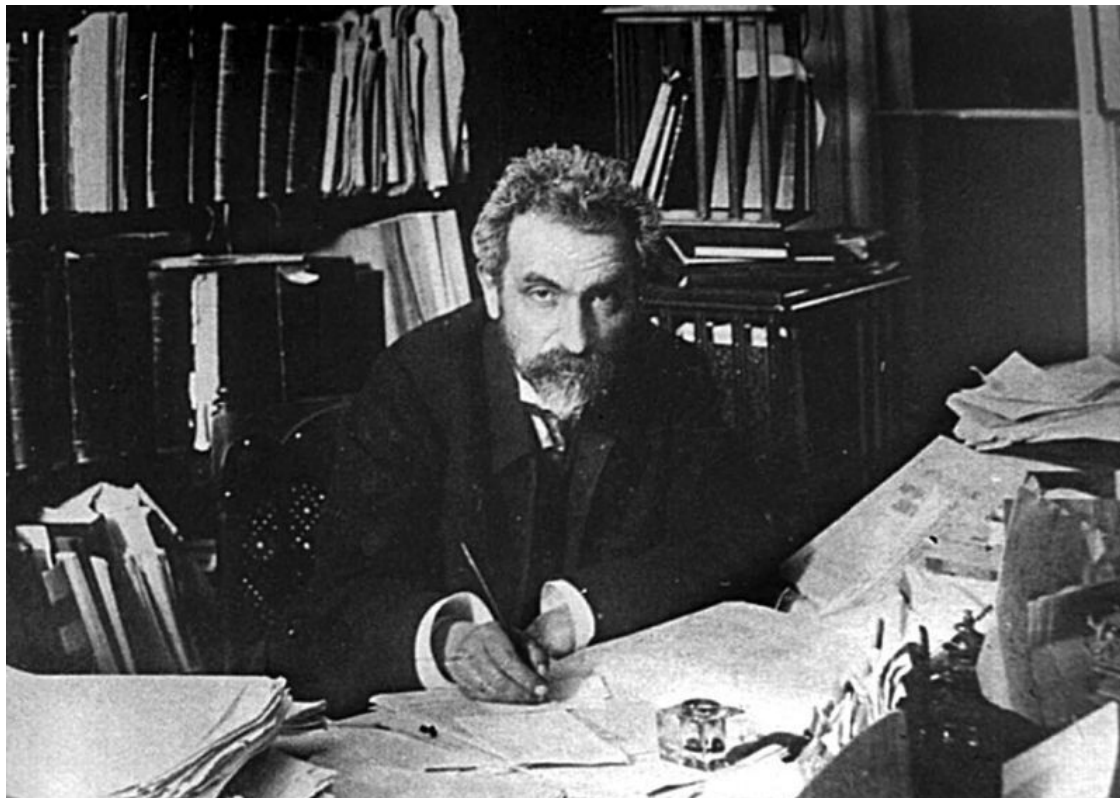
В 20-е годы XX в. западноевропейская наука ознакомилась с памятниками культуры Урарту и не без удивления отметила параллелизм культурных достижений урартийцев и этрусков. Г. Мюлештейн у обоих народов выявил сходство художественных кованых изделий: треножников, канделябров, бронзовых обивок для тронов. Он увидел у этрусков и урартийцев близкое родство и связь их культур с культурными достижениями крито-микенской эпохи [268, с. 69 и сл.]. В следующей работе Г. Мюлештейн рассматривал этрусков как продукт смешения двух различных народов – тирренов и расен. Первые были потомками атлантическо-средиземноморской расы, еще более древней, чем индоевропейская; вторые обитали в Малой Азии и прибыли в Италию через Адриатическое море [60, с. 49 и сл.].

Народом эгейско-анаатолийского региона считал этрусков и Ф. Шахермайер [335, с. 221 и сл.]. Первое их появление на исторической арене зафиксировано, по его мнению, египетскими источниками XIV–XIII вв. до н. э., упоминающими среди «народов моря» турша, а также хеттскими текстами, содержащими топоним «Труиша». Переселение этрусков в Италию, согласно гипотезе Ф. Шахермайера, произошло двумя волнами, отделенными двумя веками. Переселение первой волны можно датировать дисковидной фибулой ранних погребений культуры Вилланова (1100 г. до н. э.), второй – «пиявковидной» фибулой из поздних погребений Вилланова (IX в. до н. э.). Ф. Шахермайер полагает, что этруски оставили на своей прародине – Фригии, Ликии и Карии – археологические памятники, а в лингвистике – неиндоевропейский слой греческого языка, лидийский, ликийский и лемносский языки. Уже в Малой Азии этруски, по мнению Ф. Шахермайера, представляли «языковой монолит». Доказательством этого положения служит единство этрусского языка во всех текстах из разных мест Италии (ныне выявлены диалектные различия этих текстов). Обобщив и проанализировав все имевшиеся в то время данные о контактах Малой Азии и Этрурии, Ф. Шахермайер на многие годы определил направление в изучении этрусской проблемы.

Советская наука в 1920-е годы не осталась в стороне от столь широко дискутируемой проблемы происхождения этрусков. В работах выдающегося знатока кавказской археологии и лингвиста Н. Марра этруски и их происхождение и в особенности же язык занимают весьма существенное место.

Взгляды Н. Марра на этрусков претерпели эволюцию. В работах начала 1920-х годов Н. Марр связывал образование этрусского этноса с переселением двух групп «яфетидов» с Кавказа на запад. Рушская группа перемещалась с юга южного побережья озера Ван через Малую Азию с остановками в Лидии и стоянками на островах Эгейского моря. Расенская ветвь двигалась через Северный Кавказ, огибая Черное море, и далее через Балканы спустилась в Италию

[51, с. 100 и сл.]. Отойдя в 1923 г. от миграций как фактора, объясняющего глоттогонию, что было явной ошибкой, Н. Марр одновременно отказался от своей ранней теории происхождения этрусков. В своих поздних работах Н. Марр стал рассматривать этрусскую яфетическую стадию в Италии как промежуточную фазу этногенеза и глоттогонии между лигуро-сикулийской и итальянской фазами [52; 53].

Н.Я. Марр

Ученики Н. Марра А. Аптекарь, Б. Богаевский, Н. Залесский популяризировали яфетическую теорию в той ее форме, которая сложилась в работах Н. Марра конца его жизни [3, с. 214 и сл.; 8, с. 233 и сл.; 29, с. 190 и сл.]. Однако Б. Богаевский и Н. Залесский оперировали не столько лингвистическим, сколько археологическим материалом Эгеиды и Италии. Известная схематизация относилась лишь к общей концепции, а не к рассмотрению конкретных явлений социально-политической и религиозной жизни критян и этрусков. Ученик Н. Марра М. Немировский дал серьезную разработку проблемы связей языков Кавказа и Средиземноморья [67, с. 36 и сл.; 68].

Работы Н. Марра и его учеников были крупным шагом в развитии советской этрусологии и лингвистики, ныне успешно выявляющей этрусско-кавказские языковые контакты.

Многие годы проблемой происхождения этрусков занимался В. Бранденштейн. Уже в первой своей обобщающей работе он выступил решительным сторонником восточного происхождения этрусков [133, с. 37 и сл.]. Рассматривая этрусскую гаруспищину, он находил в ней общие черты с вавилонской гепатоскопией. Изучая этрусское искусство, он обнаружил в нем урартийские мотивы. Вслед за Ф. Шахермайером В. Бранденштейн отрицал тезис об образовании этрусского языка из смешения языка пришельцев-тирренов с языком местных обитателей – умбров. Индоевропейские элементы этрусского языка он объяснял соприкосновением тирренов с индоевропейцами на востоке. В этрусском языке он находил тюркизмы. На этом основании он пришел к выводу, что во II тысячелетии до н. э. предки этрусков обитали в Центральной Азии. Оттуда они перебирались на северо-восток Малой Азии, где из скотоводов

превратились в морских разбойников. Переселение этрусков в Италию В. Бранденштейн датирует 900–800 гг. до н. э.

В своих работах, вышедших уже после Второй мировой войны, В. Бранденштейн отходит от «тюркского тезиса» и самым тщательным образом исследует весь языковой материал, сближающий этрусков с Малой Азией. Ему принадлежат наиболее фундаментальное исследование тирренской надписи на Лемносской стеле и сопоставление ее материала с этрусской лексикой [134, стб. 1909–1937]. Видя в тирренах «бродячий народ» древней Эгеиды, В. Бранденштейн отказывается от поисков его прародины и праязыка этрусков, отмечая, однако, близость тирренского языка к протохаттскому.

Французские ученые, за редким исключением, были сторонниками восточного происхождения этрусков. Среди крупных французских этрускологов первой половины XX века первым можно назвать А. Пиганьоля. Помимо специальных работ, ему принадлежит статья, в которой он высказал свое особое мнение по интересующему нас вопросу [309, с. 329 и сл.]. Между датой Геродота переселения лидийцев (XI в. до н. э.) и появлением в Италии первых этрусских памятников (VIII в. до н. э.) – глубокая хронологическая пропасть, заполнить которую в силу своего понимания фактов пытались все сторонники восточного происхождения этрусков.

А. Пиганьоль не решился подтягивать хронологию древнейших этрусских гробниц к XI в. до н. э., как это делали О. Монтелиус, Ф. Шахермайер и другие его предшественники, а, напротив, снизил ее к 675 г. до н. э., ко времени, когда Малая Азия, наводненная киммерийцами и скифами, как будто созрела, для того чтобы выбросить часть своего населения на запад. Местом этрусского «исхода» французский исследователь считает северо-восточный угол Черного моря, страну полумифических кователей железа – халибов. В Средиземноморье они облюбовали район, богатый рудой, будущую Тоскану, и там обосновались. Отождествляя халибов с вполне реальными урартийцами, А. Пиганьоль видел в Урарту прототипы этрусских памятников: котлы, украшенные протомами в виде грифонов и «сирен», канделябры с декором «звериного стиля», каменные столбики фаллического типа, а также свойственную этрускам практику ирригации, культуру виноградарства, погребальные склепы, окруженные каменными скамьями, высокие подиумы этрусских храмов и даже тот тип кораблей, который поздним римским авторам был известен как «камары».

Археологические следы этрусков в Италии, предшествующие 675 г. до н. э., а также упоминание их греками в более раннее время А. Пиганьоль объясняет пиратскими набегами наподобие норманнских. Выделяя в этрусской религии элементы, которые носят печать вавилонского происхождения, А. Пиганьоль, однако, не приписывает их целиком древним халдеям, но учитывает возможность переработки вавилонских традиций бродячими халдеями, которыми был наводнен запад во II в. до н. э. Очевидность приведенных А. Пиганьодем восточносредиземноморских черт этрусской культуры, просвечивающих, как он образно выразился, «сквозь наброшенные на Этрурию греческие одеяния», не сделала достаточно убедительным его объяснение поздней даты их переселения. Французский исследователь не смог согласовать свою гипотезу с тем достаточно очевидным обстоятельством, что переселение, если бы оно имело место в VII в. до н. э., не могло бы остаться незамеченным греческими колонистами, обосновавшимися в Южной Италии и в Сицилии уже в VIII в. до н. э.

Иное объяснение времени и обстоятельств появления этрусков в Италии дал С. Ферри [184, с. 497 и сл.], который выделил в топонимике и этнонимике древней территории Этрурии два слоя. К древним топонимам, прежде всего названиям городов, он присоединил этнонимы, либо дошедшие в римских преданиях, например рутулы и каски, либо могущие быть восстановленными по топонимам: от Агиллы – агуллы, от Сованы – суаны и т. д. Соответствия этим легендарным и производным этнонимам он отыскал в этнонимике Дагестана и Грузии: рутулы, агуллы, сваны и т. д. Переселение рутулов, агуллов, сванов в Италию, характеризуе-

мое в этническом отношении как «туско-сабинско-расенское», С. Ферри отнес к середине II тысячелетия до н. э. Второе переселение «этрusco-этрusco» из Анатолии он датирует началом I тысячелетия до н. э. Следы этих переселений итальянский ученый видит также в предании позднего автора Иоанна Лида о двух Тарконах: одном – прибывшем до грека Эвандра и вторым – появившемся в Италии после Эвандра. В работах С. Ферри мы не находим ни ссылок на труды Н. Марра, постулировавшего этнические передвижения с территории Кавказа двумя волнами, ни каких-либо попыток привлечения лингвистического материала предполагаемой родины переселенцев – Кавказа и Анатолии.

Поддерживает гипотезу С. Ферри грузинский историк и лингвист Р. Гордзениани [15, с. 76 и сл.]. В отличие от С. Ферри, он оперирует широким лингвистическим материалом, как этрусским, так и кавказским, прежде всего картвельским. В этрусском языке он выделяет не два, а четыре слоя, соответствующие четырем переселениям в Италию. Кавказско-пеласгское переселение Р. Гордзениани связывает с появлением апеннинской культуры и датирует началом II тысячелетия до н. э.

Массимо Паллоттино

В середине 50-х годов XX в. появилось капитальное исследование М. Паллоттино, в котором были рассмотрены все теории происхождения этрусков и предложено новое решение этрусской проблемы [281]. Убедительно показав, что переселение целого народа в Италию не могло быть одновременным финикийской и греческой колонизациям, М. Паллоттино отрицает возможность такого переселения и в более раннюю эпоху, независимо от направления, в котором оно происходило. По его мнению, этруски сформировались в Италии из смешения элементов различного этнического происхождения, главным образом местных. Для М. Паллоттино не существовало принципиального различия между виллановцами и этрусками. Виллановцы – это протоэтруски, а строители камерных гробниц – те же виллановцы, но «преображенные» торговлей с финикийцами и греками. Этрусский язык в том виде, в каком он представлен надписями, М. Паллоттино считал всецело продуктом италийского лингвистического развития.

Этот же тезис независимо от Паллоттино выдвинул и Ф. Альтгейм [111]. С его точки зрения, этруски – чисто италийское явление. Как народ они сформировались в Италии и добились преобладания во всех сферах культурной и религиозной жизни. Формирование этрусков как этноса Ф. Альтгейм пытается проиллюстрировать на примерах населения Мантуи и Рима, включивших разнородные по происхождению этнические элементы. Надо заметить, что в названных городах этруски выступили уже как сложившийся этнос. Смешение населения в ходе колонизации этрусками Италии – явление иного плана, чем этрусский этногенез.

Теории формирования этрусков в Италии придерживался и А. Пфиффиг. В его лаконичном изложении она выглядит следующим образом: «Этруски ниоткуда не приходили. Но это не значит, что они являются автохтонным населением и древнейшими обитателями Тосканы. Это так же верно, как то, что, к примеру, ниоткуда не пришли французы и что они не являются автохтонным населением» [305, с. 7]. Если понимать А. Пфиффига правильно, проблема формирования должна в качестве предварительной части включать рассмотрение этнических компонентов, из которых складывался искомый народ, в примере с французами – кельтов, германцев и т. д. Но ни сам А. Пфиффиг, ни другие сторонники теории формирования этрусков этого не делают, хотя и допускают, что среди предков этрусков были выходцы из Эгеиды.

В нашем понимании, проблема формирования – это прежде всего изучение формирующих этнических компонентов, применительно к этрускам – пеласгов и тирренов, прибывших в Италию согласно традиции в разное время, но живших некоторое время бок о бок, пока они не образовали этрусский этнос. Во избежание путаницы мы должны предупредить, что греческие авторы называли тирренами как древнейших обитателей Эгеиды, так и этрусков. Мы же будем употреблять термин «тиррены» лишь применительно к обитателям Эгеиды и жителям Италии до 700 г. до н. э. После этой даты для нас в Италии не будут существовать ни тиррены, ни пеласги, а лишь этруски.

Пеласги. У нас нет оснований жаловаться на отсутствие литературных сведений о странах, расположенных к западу от Балканского полуострова. Произведения греческих мифографов и историков пестрят названиями народов как местного происхождения, так и пришлых. Но едва ли не каждая попытка нанести их на историческую карту встречает почти непреодолимые препятствия. Затруднительно указать территорию, занимаемую тем или иным народом, поскольку традиция фиксировала прежде всего этнические перемещения. Остается неясным точное время переселений, поскольку древние авторы, как правило, пользовались относительной хронологией – до или после Троянской войны. Не меньшие трудности перед исследователем ставит присущая традиции путаница в названиях племен, отражающая как разные версии источников, так и отсутствие ясного понимания родства между различными народами.

Чтобы представить объективную картину древнейшего этнического состояния полуострова, необходимо привлечь не только литературные и лингвистические, но, где это возможно, и археологические данные. Таким образом можно составить определенное представление о латинах, умбрах и др. Но при этом останутся этнические группы, само существование которых служит предметом спора. Это прежде всего пеласги, еще недавно изгоняемые со страниц научных трудов с тем же безжалостным постоянством, с каким, если верить античной традиции, их гнали с мест первоначального обитания.

У. Виламовиц-Меллендорф считал пеласгов «условным этнографическим термином, соответствующим более позднему обозначению “варвары”» [376, с. 144]. Э. Мейер пришел к выводу, что пеласги хотя и реальный, но «незначительный народец», занимавший на карте догреческого мира место неизмеримо меньшее, чем это можно заключить из античной традиции [259, с. 28 и сл.; 111 и сл.]. По мнению Э. Мейера, местами обитания пеласгов были лишь Фессалия и Крит. Расселение же их по другим регионам Восточного и Центрального Средиземноморья не связано с этническими и миграционными процессами, а является чисто литературным феноменом. Считая предлагаемое решение пеласгийского вопроса окончательным и не подлежащим пересмотру, Э. Мейер высказал мнение, что после его работы имя пеласгов, «висящее, как фантом, вскоре погрузится в объятие ночи, и о нем вспомнят, может быть, через тысячи лет» [259, с. 111].

Э. Мейер, как вскоре выяснилось, оказался плохим пророком. Название пеласгов вовсе не исчезло со страниц научных трудов, хотя концепция о пеласагах как о «незначительном народце» оказала влияние на исследователей первой половины XX в. Некоторые из них несколько «расширили» область расселения пеласгов. Так, Ф. Шахермайер «отдал» пеласгам помимо Фессалии и Крита Эпир, Аттику, Аркадию, Троаду, Халкидику, Лесбос, но считал ошибочным мнение об их поселении на о-вах Самофрака, Лемнос, Имброс, Хиос, Самос и в Малой Азии (кроме Троады) [335, с. 227 и сл.].

Не меньшая часть ученых, продолжая линию У. Виламовица-Меллендорфа, вовсе отрицала этнолингвистическую реальность пеласгов. Так, Г. Берве видел в пеласагах, равно как и в лелегах и тирренах, лишённые исторического и лингвистического смысла названия, под которыми «греческая традиция объединяла различные народы и названия доисторической эпохи» [123, с. 20].

Наряду с двумя вышеуказанными тенденциями в 40—50-е годы XX столетия выявилась тенденция всемерного расширения ареала расселения пеласгов. В последних готовы были видеть этнос, занимавший широчайшие пространства – от Армении на востоке до Испании на западе – и повсюду оставивший свои топонимические следы. Лингвистическую науку охватила вспышка «пеласгомании», сопоставимая по своим масштабам лишь с этрускерией в XVIII в. Наиболее ярко выраженным образцом этого направления, если не сказать аномалии, была четырнадцатитомная работа П. Сантанджело «Основы науки о происхождении языка и его древней истории», в которой пеласгийский язык трактовался как праязык племен кочевников-пастухов, занимавших берега Средиземного моря, его острова, Европу и часть Азии [337]. Другие лингвисты также отыскивали следы пеласгийского этноса за пределами территории, очерченной сведениями античной традиции. Греческий ученый Я. Томопулос отнес к области поселения пеласгов Албанию, а албанский язык представил в качестве потомка пеласгийского [348]. А югославский ученый М. Будимир, опираясь на данные топонимики и ономастики, высказал предположение о существовании народа пеласгов [106]. Следы языка пеласгов М. Будимир находил в топонимике и ономастике Италии, Анатолии, Иллирии, Кавказа и Сирии.

Одновременно с М. Будимиром лингвистическими поисками начал заниматься В. Георгиев, выделивший в греческом языке более ранний слой иного индоевропейского языка, в то время как другие ученые, и прежде всего П. Кречмер, предпочитали говорить о множественности слоев в неиндоевропейском языке древнейших обитателей Эгеиды, предшествен-

ников греков. Этот древний индоевропейский язык В. Георгиев первоначально обозначал как «праиллирийский», но затем стал называть его «пеласгийским». В отличие от Я. Томопулоса, отождествлявшего пеласгийский с праалбанским языком, В. Георгиев считал его стоящим где-то между албанским и армянским языками, но ближе всего к хеттскому языку. Впоследствии, исходя из хеттской основы, В. Георгиев стал интерпретировать этрусскую лексику, не добившись, однако, успеха (см. ниже).

Использование В. Георгиевым при создании пеласгийской концепции богатейшего лингвистического материала анатолийского мира обеспечило ей такую популярность, какой не получила ни одна из прежних пеласгийских гипотез. Некоторые ученые заявили о себе как о последователях В. Георгиева. Другие приняли его концепцию с некоторыми оговорками. Так, Л. Гиндин, считая «чисто индоевропейское происхождение пеласгийского языка в целом доказанным», не отрицал возможности существования в топонимике Балканского полуострова реликтов языка неиндоевропейского происхождения [12, с. 23 и сл.; 13, с. 44 и сл.]. В более поздней работе он предложил выделить в пеласгийском языке три слоя: 1) доиндоевропейский (эгейский); 2) индоевропейский пеласго-фракийский; 3) индоевропейский = анатолийский [14, с. 45 и сл.]. Эту последнюю точку зрения принял В. Нерознак [69, с. 216].

Краткое рассмотрение пеласгийского вопроса в историографическом плане должно облегчить нам ориентацию в сведениях античной традиции. Впервые название «пеласги» появляется у Гомера. В «Илиаде» фигурирует «пеласгийский Аргос» как обозначение Фессалии [Ном. II, II, 681]. Это упоминание находится в той части «Каталога кораблей», где речь идет о владениях Ахилла. В другом месте поэмы Гомер заставляет Ахилла взывать к «пеласгийскому Зевсу» Додоны и заодно характеризует любопытные особенности культа в этом святилище [Ном. II, XVI, 233–235]. Эпитет «пеласгийская» Гомер прилагает к Ларисе, одному из фессалийских городов [Ном. II, II, 840]. Гомер знает о пеласгах на Крите, где они обитали вместе с этеокритянами, кидонами, ахейцами и дорийцами [Ном. Od. XIX, 177]. Пеласги были, согласно Гомеру, жителями Малой Азии, судя по тому, что они выступали союзниками Трои (Ном. II, X, 429).

Гомеровские сведения о пеласгах позволяют рассматривать их как народ, занимавший Фессалию, часть Малой Азии и часть о-ва Крит. Об обитании пеласгов в Аттике, на Пелопоннесе, в Италии Гомер ничего не сообщает. Следует ли из этого, что появление пеласгов в вышеназванных регионах у последующих авторов – результат их генеалогических и филологических конструкций? Подобное заключение, принадлежащее Э. Мейеру, не выдерживает критики. Ведь задачей Гомера не было описание этнической карты тогдашнего мира. И если, согласно поздним авторам, пеласги населяли более обширные территории, чем по Гомеру, то это не означает, что они ошибались или называли «пеласгами» какой-либо другой народ.

У беотийского поэта Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.) эпоним пеласгов «Пеласг» выступает как автохтон и отец аркадянина Ликаона [Hes. frg. 43–44]. Австрийский ученый Т. Лохнер-Хюттенбах считает гипотезу о проживании пеласгов в Аркадии спекуляцией и пытается выявить вызвавшие ее причины [255, с. 101].

Во-первых, аркадяне относились к древнейшему народу, жившему на земле еще до появления на небе луны, поэтому они должны происходить от такого древнего прародителя, каким считался Пеласг. Во-вторых, согласно Т. Лохнеру-Хюттенбаху, на Пелопоннесе находился Аргос, который был ошибочно отождествлен с Аргосом пеласгическим, т. е. с Фессалией. Эти доводы не кажутся убедительными. Пеласг не был самым древним мифическим героем, которого можно было бы выбрать в прародители аркадянам, а Аргос был расположен не в Аркадии, а в Арголиде, поэтому вряд ли здесь могла произойти путаница. Видимо, у Гесиода и последующих авторов были основания связывать аркадян с пеласгами. При этом не обязательно именно поэма Гесиода должна была послужить источником для мнения о пеласгийском происхождении аркадян. Очевидно, существовали какие-то предания, которые связывали Арка-

дию с пеласгами. Не исключено, что часть пеласгов во время дорийского переселения попали в Аркадию и оттуда могли передвинуться в Италию. Это давало основания поздним авторам называть италийских пеласгов аркадянами.

У позднеримского автора Зенобия имеется поговорка, которую он отыскал у Алкея и Гелланика. Она касается города Питаны (в Эолии), испытавшего переменчивость судьбы. Из комментариев к поговорке явствует, что Питана сначала была завоевана пеласгами, а потом освобождена эритрейцами [FHG I. Hell. frg. 115]. В одном из фрагментов стихотворения Алкея [Alc. frg. 121, 6] пеласги также упоминаются в какой-то связи с эолийцами. Из отрывка неясно, идет ли речь об эолийцах Фессалии или Малой Азии [255, с. 102]. Но, поскольку в поговорке Алкея отражены события в Малой Азии и захват эолийского города Питаны, надо думать, что и второй отрывок этого автора также повествует о малоазийских эолийцах и соответственно о малоазийских пеласгах.

Первым греческим историком, писавшим о пеласгах, был Гекатей Милетский (около 546–480 гг. до н. э.), который считал их древнейшими эллинскими обитателями Фессалии. Перечисляя ее города, Гекатей называет Кранон, расположенный в Фессалии пеласгийской [FHG I. Hes. frg. 112]. Гекатею было известно также о пребывании пеласгов в Аттике и изгнании их оттуда афинянами [FHG I. Hes. frg. 362]. Однако в его отрывках из «Землеописания», касающихся Италии, пеласги не упоминаются.

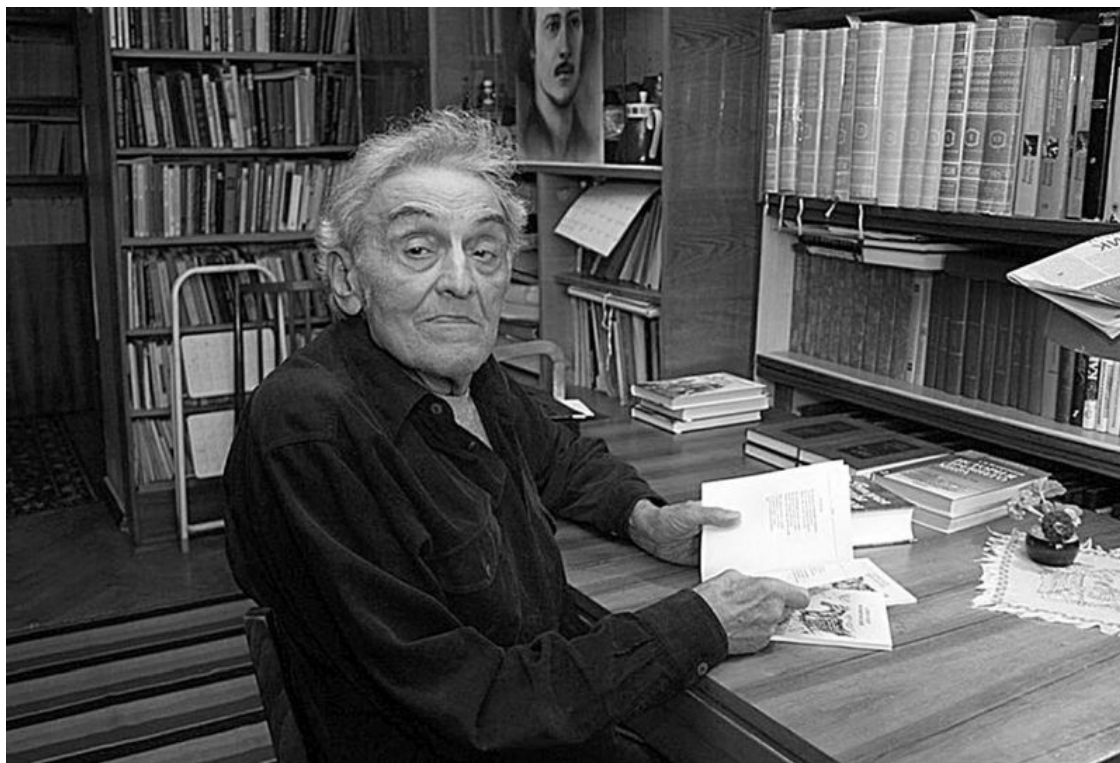
Современник Гекатея Акусилай Аргосский называет Аргоса и Пеласга сыновьями Ниобы и Зевса [FHG I. Acus. frg. 11]. Братские отношения, в которые поставил Акусилай Аргоса и Пеласга, заставляют думать, что он придерживался версии обитания пеласгов на Пелопоннесе.

Среди авторов, писавших о пеласгах до Геродота, были драматурги Эсхил (525–456 гг. до н. э.) и Софокл (496–406 гг. до н. э.). В трагедии «Просительницы» Эсхил рисует обширное пеласгийское царство, охватывавшее на юге Аргос (в Аркадии), на севере – всю Фессалию и Халкидику (до р. Стримон), на северо-востоке – Додону и область пеонов [Aeschyl. Suppl. 250–254]. Во главе этого мифического царства стоял Пеласг, сын Палайхтона. Этого Пеласга, равно как и его подданных, Эсхил считал не варваром, а эллином. Софокл в «Инахе» (судя по ссылкам Дионисия Галикарнасского [Dion. Hal. I, 25, 4]) говорит о тирсенах-пеласгах, помещая их в Пелопоннесе.

Ни у кого из древних авторов пеласги не упоминаются так часто, как у Геродота. Геродот, считая, что свое название тиррены получили в Италии [Herod. I, 94], чтобы не впасть в противоречие, должен был, где это возможно, исключить тирренов из этнической карты Восточного Средиземноморья и заменить их другим народом. Этим можно объяснить появление в ряде мест его труда пеласгов вместо тирренов. Так, он говорит о пеласгах Лемноса, снарядивших корабли для нападения на Аттику и похищения там женщин [Herod. IV, 145; VI, 136].

В то же время в тексте Геродота имеются многочисленные сведения, которые не могут рассматриваться как результат замены тирренов пеласгами.

Как уверяет Геродот, ионийцы были пеласгийского происхождения [Herod. I, 56]. Это надо понимать в том смысле, что они были потомками автохтонного варварского населения, в отличие от пришедших позднее дорийцев. Согласно другому месту труда Геродота, ионийцев называли «пеласгами и эгиалеями» [Herod. VII, 94]. Конкретизируя эту мысль, он сообщает, что Эллада первоначально называлась Пеласгией [Herod. II, 56]. Полемизируя с Гекатеем, по сообщению которого пеласги были изгнаны афинянами из зависти за умение хорошо обрабатывать землю, Геродот излагает другую версию этого рассказа [Herod. VI, 137]. Пеласги явились, для того чтобы построить акрополь, и в плату за труды получили землю у подножия Гиметта. Изгнаны они были, по словам самих афинян, за нападение на девушек, которые ходили за водой.

А.И. Немировский (1919–2007), российский историк Древнего Рима и этрусской культуры

Геродот считает пеласгов «варварским народом» [Herod. I, 58], т. е. они не были эллинами. Переходя к вопросу о языке пеласгов, Геродот отказывается дать на него точный ответ, но все же приходит к выводу, что скорее всего они говорили на особом варварском наречии, не похожем на язык соседей [Herod. I, 57]. Это заключение делается на основании того, что современные Геродоту пеласги, жившие севернее тирренов (тирсенов), в Крестоне, и те, которые основали Плакию и Скиллак на Геллеспонте, отличались от афинян и других соседей по языку.

Этот параграф вызвал ожесточенные споры среди современных исследователей из-за двух редакций текста: рукописной, в которой назван Крестон, и в цитатах из Геродота у Дионисия Галикарнасского, где вместо Крестона назван итальянский город Кротон (Кортон). Если принять редакцию Дионисия Галикарнасского, Геродот имел в виду пеласгов и тирренов Италии, если рукописную, то речь идет о пеласгах и тирренах фракийского побережья.

Для нас принятие той или иной версии имеет особое значение. Если мы согласимся с Дионисием Галикарнасским, нам придется считать Геродота первым историком, знающим об обитании пеласгов в Италии. Но в любом случае остаются трудности, поскольку Геродот нигде не сообщает ни о пеласгах в Италии, ни о тирренах в Восточном Средиземноморье. Более того, выходцами из Эгеиды в Италии для него являются одни лишь лидийцы, которые, приняв имя своего предводителя Тиррена, в этой стране стали называться тирренами [Herod. I, 94].

Решению этого спорного вопроса помогает труд Фукидида. Описывая население п-ова Акте, он указывает, что там обитали пеласги из тирсенов, которые когда-то жили на Лемносе и в Афинах [Thuc. IV, 109, 4]. Таким образом, для Фукидида тирсены – более широкое этническое понятие, чем пеласги. Благодаря Фукидиду мы можем уточнить и другое место Геродота. Сообщая о Пеларгике (или, согласно части рукописей, Пеласгике), Фукидид понимает под ним не стену, а участок, что явствует из запрещения там селиться [Thuc. II, 17, 1]. В главном, однако, Фукидид согласен с Геродотом: пеласги – это древнейший народ Эллады, предшественники эллинов, давшие им свое название [Thuc. I, 3, 2].

Оставив в стороне сведения более поздних греческих историков о пеласгах в Восточном Средиземноморье, обратимся к данным об их переселении в Италию.

В наиболее полном виде они содержались в труде «Форонида» Гелланика Лесбосского: «Тиррены первоначально назывались пеласгами. От самого царя Пеласга и Мениппы, дочери Пеня, происходит Фрастор, от него – Аминтор, от Аминтора – Тевтамид, от Тевтамида – Нан. Во время правления последнего пеласги, изгнанные из мест своего обитания эллинами и отнесенные на кораблях к Спинету в Ионийском заливе, основали в глубине страны город Кротон и поселились в тех местах, которые теперь называются Тирренией» [FHG I. Hell. frg. 1].

Геродот приписывал пеласгам многое, что имеет отношение к тирренам. Но пеласги и тиррены для Геродота, тем не менее, разные народы. Гелланик, видимо, впервые в греческой литературе, отождествляет пеласгов и тирренов. Вслед за ним это делают Фукидид и Софокл. Как полагают современные исследователи, смешение двух совершенно различных народов объясняется отсутствием у авторов V в. до н. э. достоверных данных о древнейшей этнографии [255, с. 104]. Для нас важно, что Гелланик повествует о пеласгах и тирренах как об одном народе Италии.

Из приведенной выше цитаты явствует также, что история пеласгов до их переселения в Италию охватывала, по мнению Гелланика, четыре поколения, т. е. около 120 лет. Гелланик не указывает, откуда прибыли пеласги. Но, судя по упоминанию «отнесенных кораблей», они не просто пересекали Адриатическое море (называемое «Ионийским заливом»), а плыли откуда-то издалека.

В других частях своего труда Гелланик сообщает о Пеласге, сыне Форонея (или Триопа), наследовавшего после смерти отца земли по р. Эрасин и основавшего Ларису [FHG I. Hell. frg. 7]. Река Эрасин находилась в Аркадии или Арголиде. Следовательно, Гелланик считал пеласгов обитателями Пелопоннеса. Братом Пеласга Гелланик называет Иаса, получившего Элиду [FHG I. Hell. frg. 37].

Последующие историки разрабатывают ту же тему переселения пеласгов в Италию. Сиракузский историк Филист (первая половина IV в. до н. э.) сообщает об изгнании пеласгами лигуров, которые под руководством Сикела переселились в Сицилию [FHG IV. Phil. frg. 2]. Иероним из Кардии (время диadoхов) полагает, что пеласги, обитавшие в Фессалии в Магнетиде, были вытеснены в Италию лапифами [FHG IV. Hieronim. frg. 11]. Наиболее обстоятельно освещает историю злоключений пеласгов историк с хеттским именем Мирсил в труде, посвященном истории Лесбоса. Сохраненная Дионисием Галикарнасским выдержка из сочинения этого автора начинается с описания благоденствия пеласгов, на смену которому пришли голод, падеж скота, рождение уродов, нападения врагов. Часть пеласгов погибли от рук варваров, но большинство переселилось к эллинам и в варварские земли. Под последними имеется в виду Италия, где пеласги встретили поддержку аборигенов. Но бедствия их не прекращаются и в Италии. Оракул, к которому обратились пеласги, обязал их платить десятину Зевсу, Аполлону и кабирам [FHG IV. Myrs. frg. 2].

Если Гелланик в дошедшем до нас отрывке не указывает, откуда переселились пеласги в Италию, то Мирсил называет исходным местом их переселения Лесбос. В этом варианте пеласгийская версия происхождения этрусков наиболее резко противостоит тирренской у Геродота, поскольку последний выводит тирренов из Лидии. Но различие версий может показаться не столь значительным, если мы вспомним, что Лесбос считался местом обитания тирренов. Различие двух версий скорее терминологическое, чем фактическое. Назывались ли обитатели Лесбоса до их переселения в Италию тирренами или пеласгами, но поселились они в Италии в стране умбров. Мирсил придерживался мнения, что обитателями Лесбоса были тиррены, но, пустившись в странствия, они стали называться пеласгами, как перелетные птицы (по-гречески *pelargos* – «аист»), поскольку стаями устремились в земли, населенные греками и варварами [FHG IV. Myrs. frg. 3].

Последний из составителей истории Аттики – Филохор (III в. до н. э.), сообщая об обитании пеласгов на о-ве Лемнос, вносит дополнение, что там они назывались синтиями [FHG I. Philoch. frg. 6].

Обширные и во многом уникальные сведения о пеласагах и тирренах содержит дошедшая до нас в многочисленных рукописях небольшая поэма Ликофрона «Александра». В ней от имени дочери Приама говорится о катастрофе Трои и возрождении ее в Италии, в могущественном Риме, страданиях вернувшихся на родину греков, извечной борьбе Азии и Европы.

Развивая главную идею своего произведения – неразрывность связей запада с востоком и общность их судеб, Ликофрон широко использовал имевшиеся греческие предания о переселениях народов [234, с. 261 и сл.].

В рассказе о Троянской войне греческий герой назван «пеласгийским Тифоном» [Lycophr. 177] – видимо, потому, что он был родом из Фессалии, населенной в древности пеласагами. Возможна и другая ассоциация: чудовище Тифон, согласно Гомеру, обитало в земле аримов [Hom. II, II, 783], которые могли быть связаны с пеласагами. Пеласагами Ликофрон называет фессалийских участников похода аргонавтов [Lycophr. 1364]. Ликофрону было известно о передвижении пеласгов в Италию и поселении их на территории между латинами и давниями [Lycophr. 1241].

Родоначальников этрусков Тархона и Тирсена Ликофрон называет «золотисто-бурыми волками, отпрысками Геракловой крови» [Lycophr. 1249]. Так излагается легенда о происхождении Тархона и Тирсена от сына Геракла – Телефа. В связи с рассказом о переселении Тархона и Тирсена в Италию Ликофрон говорит об их войне с италийскими борейгонами [Lycophr. 1250 и сл.]. Из описания этой войны в другом месте следует, что тиррены отняли у лигуров и пеласгов Пизу, дойдя до границ Умбрии [Lycophr. 1359 и сл.]. Таким образом, согласно Ликофрону, тиррены захватили не умбрские города, как это считал Геродот, а пеласгийские. Мессинский пролив Ликофрон называет Тирренским проливом [Lycophr. 649]. Одиссея Ликофрон отождествляет с Наном этрусских легенд [Lycophr. 1243].

В труде Диодора Сицилийского сохранился ряд сведений о пеласагах из не дошедших до нас произведений. По Диодору, пеласги первыми заимствовали созданные финикийцами знаки письма и несколько изменили его характер. Этим письмом, получившим название пеласгийского, пользовались поэты до Гомера [Diod. III, 67, 1–2]. Трудно сказать, о каком письме говорил Диодор. До времен Гомера мы знаем лишь знаки письма линейного «Б», но это было письмо не финикийского происхождения. В одном месте своего труда Диодор сообщает, что после Девкалионова потопа пеласги вместе с эолийцами переправились на о-в Крит под водительством Тектама (в одной из рукописей Тевтама) [Diod. IV, 60, 2]. Согласно Диодору, Тектам отправился на Крит вместе с дорийцами [Diod. V, 80, 2]. Это не мешает Диодору считать пеласгов первыми обитателями Крита и выходцами из Ликии, куда они попали из Арголиды [Diod. V, 81, 1–2]. Среди перечисленных 17 народов, властвовавших на морях, Диодор сообщает и о пеласагах [Diod. VII, 11], но, возможно, под «пеласагами» следует понимать «тирренов».

Более точные и надежные сведения о пеласагах содержит «География» Страбона (64 г. до н. э. – 23 г. н. э.). Согласно Страбону, пеласги населяли в древности Фессалию и Эпир [Strab. V, 2, 4]. Ссылаясь на хиосцев, очевидно, историков Хиоса, Страбон говорит о переселении части пеласгов из Фессалии на Хиос [Strab. XIII, 3, 3]. Тут же Страбон сообщает, что пеласги были постоянно кочевавшим и очень подвижным народом, достигшим могущества до переселения эолийцев и ионийцев в Азию.

Фессалию же Страбон считает родиной пеласгов, которые переправились в Италию и основали там Агиллу, впоследствии получившую название Цере [Strab. V, 2, 3]. Регис Вилла в окрестностях Остии была резиденцией царя Малей, возглавлявшего пеласгов, основателей Агиллы [Strab. V, 2, 8]. Согласно Страбону; после осков Геркулан и Помпеи заселили тиррены

и пеласги [Strab. V, 4, 8]. Кроме того, Страбон передает легенду о пеласгийском царе Пиасе, убитом своей дочерью [Strab. V, 3, 4].

Наиболее обширные сведения о пеласагах в Италии сохранились у Дионисия Галикарнасского. Он полагает, что первыми греками, прибывшими в Италию, были аркадяне во главе с Энотром, внуком Пеласга [Dion. Hal. I, 11, 2]. В другом месте своего труда он, однако, считает, что пеласги прибыли позднее, чем аркадяне-энотры [Dion. Hal. I, 13, 2]. По его мнению, часть вытесненных из Греции пеласгов поселились в Италии рядом с аборигенами, поскольку, будучи эллинским народом Фессалии, они находились с ним в родстве [Dion. Hal. I, 23, 2]. После изгнания пеласгов из Фессалии они рассеялись во всех направлениях. Главная их масса двинулась на запад, в Додону, к своим единоплеменникам. Оттуда в поисках средств к существованию они переправились в Италию и высадились в устье р. По. Часть их осталась там и основала город Спина, который под натиском варваров они вынуждены были покинуть [Dion. Hal. I, 18, 2–3]. Другая часть пеласгов пошла в страну умбров, оказавших им вооруженное сопротивление, которое было сломлено благодаря союзу с аборигенами (что было предсказано оракулом) [Dion. Hal. I, 19, 2–3]. Вместе с аборигенами пеласги двинулись против умбров, захватив у них Кротон, а затем – против сикулов. Это произошло при третьем поколении после Троянской войны. Вместе с аборигенами пеласги основали Агиллу, Пизу, Сатурнию, Альсий и другие города, которые потом у них отняли тиррены [Dion. Hal. I, 20, 5]. В Фалериях и Фесценнии во времена Дионисия Галикарнасского сохранялись следы пребывания пеласгов, о чем свидетельствует сходство оружия, культа и быта поздних обитателей этих городов с оружием, культом и бытом населения Арголиты, откуда, по мнению историка, пеласги прибыли в Италию [Dion. Hal. I, 21]. Из тех народов, которые пришли после пеласгов, наиболее могущественными были тиррены [Dion. Hal. I, 26, 2]. Они изгнали пеласгов из городов, расположенных к северу от Тибра [Dion. Hal. I, 28, 1]. То, что греческие авторы называли тирренами пеласгов, равно как и латинов, умбров, авзонов, Дионисий объясняет дальностью расстояний и постоянной переменой народами мест поселения [Dion. Hal. I, 29, 2]. Здесь Дионисий смешивает явления разного порядка. Ведь смешение пеласгов и тирренов в произведениях греческих авторов не обязательно связано с «дальностью расстояния»: неоднократно один и тот же народ Эгеиды разными авторами обозначается то как «пеласги», то как «тиррены». Как мы помним, Фукидид говорит о «пеласагах из тирренов». Что касается латинов, умбров и авзонов, то их могли называть тирренами, поскольку они были обитателями Тиррениии – так в ранней греческой литературе называлась Италия.

«Пеласгийская теория» Дионисия Галикарнасского опиралась не только на греческую традицию, но и на римскую литературу. В своих работах о происхождении Рима ранние латинские авторы исходили из того, что на территории Лация наряду с «древними латинами» и сикулами находились выходцы из Греции – аборигены (борейгоны) и пеласги. Этого мнения, согласно Дионисию [Dion. Hal. II, 49, 1; I, 14, 1], придерживались Катон Старший и Варрон. Последующие латиноязычные авторы также принимают «пеласгийскую теорию». Римский поэт П. Вергилий Марон (70–19 гг. до н. э.), излагая переселение троянцев в Италию, описывает их встречу с аркадянами во главе с Эвандром [Verg. Aen. VIII, 100]. Следуя совету Эвандра вступить в переговоры с этрусками, Эней проезжает мимо реки, на которой расположен город Цере, и видит там священную рощу, посвященную пеласагами богу пашен и стад Сильвану [Verg. Aen. VIII, 597–601]. В этой связи Вергилий замечает, что пеласги в давние времена владели Лацием. Среди имен командиров этрусских кораблей, посланных на помощь Энею, мы находим не только этрусские имена, но и те, которые могут быть истолкованы как пеласгийские, – Абас и Купавой [Verg. Aen. X, 170, 186]. Абас был прародителем абантов, считавшихся, очевидно, иллирийцами. Это явствует из сообщения Ликофрона [Lycophr. 1043], так как после Троянской войны абанты прибыли в Эпир. Не менее показательным, что Акрисий, сын Абаса, царь Аргоса, бежит от своего внука Персея к пеласагам [FHG I. Pherec. frg. 26].

Корень имени Абаса «ав» входит также в этноним «абры». Абры, обитатели восточного побережья Адриатики, жили по соседству с тавлантиями [FHG I. Нес. frg. 69] и могут считаться иллирийцами [239, с. 113], Купавон, выступающий у Вергилия в образе человека-лебедя, близок мифическому персонажу Купале, чуждому как греческой, так и тирренской среде, но бытовавшему у иллирийцев и позднее у славян [64, с. 126].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.